

16. ГУ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 529. Л. 6.
17. Там же. Л. 4–7.
18. Там же. Л. 39.
19. Сибирский листок: 1901–1907 / сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). Тюмень: Мандр и К^а, 2003. С. 13.
20. Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания: избр. произвед. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 158.

А.П. Ярков (Тюмень)

О специфике благотворительности сибирских мусульман в XIX веке

Хозяйственная специализация, мотивация к личному успеху привели не только к быстрому обогащению сибирских мусульман. Появилась иная модель совмещения интересов различных частей уммы: казанские и бухарские купцы имели несоизмеримо (с сибирскими татарами и казахами) большее удельное соотношение к численности соплеменников, но в силу финансовых возможностей и знаний религиозной догматики абсолютно доминировали в местных общинах среди всех единоверцев края. Известно, что ислам ставит целью не только обеспечение социальной справедливости, но и достижение ее нравственными хозяйственными методами, фокусирующими внимание на человеческом факторе этого процесса [1]. Именно казанские и бухарские купцы сознательно делились прибылью с бедствующими единоверцами, выполняя т. о. обязанности по выплате закята. К тому же, оставаясь частью религиозного социума и принимая активное участие в жизни местного прихода, в частной жизни, они стали достаточно независимы. Укреплялся их авторитет и у органов власти благодаря экономической и политической выгоде от «прорубленных в Азию окон и дверей».

Переход от понимания себя как *индивида* и как *личности* — это не только различие в дефинициях, а система самооценки, знаменующая внедрение некоторых инноваций в жизнь сибирской уммы. Не будем забывать, что большая ее часть осталась в рамках традиционализма и, соответственно, мифологизированного сознания, где отказ от поспешности введения инноваций в отдельных институтах — гарантия стабильности этого сообщества. Так, в оппозиции *мужчина-женщина* сибирская исламская культура поддерживала приоритет ценностного (изначального) преимущества мусульманина, хотя в то время появились самодостаточные купчихи из сибирячек. От-

давая себе отчет, что в прошлом мусульманки в бизнес приходили только в силу печальных обстоятельств — умирал муж или отец, а взрослых мужчин, кому можно было бы передать дело, не оказывалось, то активность женщины в экономической сфере определяла и последующие социальные изменения.

К середине XIX в. взаимоотношения сибирских татар с соседями приняли устойчивый характер добрососедства. Крепкие экономические и другие связи способствовали дальнейшему проникновению элементов культуры соседей в татарские поселения. Обогащенное гомогенное культурное пространство разрушало замкнутость, обособленность. Культурная «пестрота» вообще способствовала процессу аккультурации, т. е. заимствованию объектов, норм, ценностей. Это явление имело и «обратную сторону медали», а если дружба между представителями младших поколений переселенцев и коренных жителей заходила слишком далеко (по мнению надзирающих за нравственностью служителей разных конфессий), то следовали выводы. Их возмущение вызывали отдельные факты женитьбы славян на мусульманках, а «хоть и бывали случаи соращения из православия в магометанство, но в самой незначительной мере и большей частью из новокрещеных, которые, живя по привязанности у бывших своих единоверцев, скры[вают], не [брегут], иногда по невежеству, о выполнении догматов исповедуемой ими веры» [2].

Вряд ли можно утверждать, что внедряемая система самоуправления уммы была одним из элементов формирования гражданского общества, но многие проблемы стали разрешаться более эффективно. Просьбы о строительстве мечетей и устройстве кладбищ рассматривались уездными властями, но финансы изыскивали прихожане. Известно, что подпиской и сбором денег по губернии для каменной мечети в Тобольске занимался купец Т.С. Айтмухаметов. И как только разрешение было получено — в 1844 г., то уже к 22 мая 1845 г. она была возведена. Его же стараниями построена мечеть в д. Нижние Аремзяны. На свои средства он также открыл мектебе и содержал его. Такие благотворители не единичны, хотя удельный вес мусульман среди 6,7 тыс. сибирских купцов (1851) был невысок.

В прошениях указывалась причина, а поскольку они составлялись на русском языке, то лексические обороты выдавали «нестыковку» исламских и православных норм. Показательно, что в прошении доверенного ясачного татарина д. Ковинской Тарского уезда наряду с удаленностью места «к богомолению, а паче неудобство в осеннее и летнее время в деревню Устешинскую» содержалась фраза «умирают без отпеву». Причины для отказа обычно были связаны с немного-

численностью прихода, хотя и это не было правилом: из 25 приходов Тюменского уезда лишь в двух имелось более 200 прихожан, а в Тарском уезде из 32 мечетей норма соблюдалась лишь в четырех. В Томском округе в 1849 г. числилось 11 мечетей [3]. В 1862 г. по всей территории Тобольской губернии насчитывалось 139 мечетей (в другом источнике в 1858 г. указывалось 154 мечети), из которых: 6 каменных и 133 деревянных, в т. ч.: в Тобольском округе — 51; Тюменском — 30; Ялуторовском — 15, т. е. одна мечеть приходилась на 365 чел. по сельским местностям губернии и на 575 чел. — в городах. В Ишимском уезде сложилась уникальная ситуация — в 1862 г. там жил 4881 мусульманин, для которых имелась всего одна мечеть, что было связано как с компактностью проживания, так и со специфической религиозностью казахов, составлявших значительную часть прихода.

В тот период росло число людей новой формации среди мусульман и, прежде всего, среди купцов, не видевших ограничений для деятельности ни в крае, ни за его пределами, в т. ч. за рубежом. Здесь необходимо принять во внимание, что экстенсивная и интенсивная модели развития бизнеса в мусульманской среде зависели от специфики отрасли, личностных характеристик, социальных черт и т. д., а сам ислам строго регламентировал повседневную деятельность [4].

Г. Мансуров был избран гласным Омской городской думы и председательствовал в Попечении об учащих мусульманского мектебе. Поскольку система вакуфной собственности здесь была развита слабо, то существовали иные формы помощи единоверцам: Малая мечеть в ю. Ембаевских была построена на средства четырех купцов под руководством Кабира хаджи; Н. Айтыкин деятельно помогал тарскому медресе, куда привез несколько тысяч книг на разных языках; мечеть в д. Нижние Аремзяны поддержал, кроме Т.С. Айтмухаметова, купец Хусейн, а ярмарочная мечеть в Тюмени сооружена на средства С. Речапова [5]. И все же особо примечательна династия бухарцев, купцов и меценатов Кармшаковых-Сейдуковых, где выделяются братья Нигматулла, Рахматулла, Хабибулла, сыгравшие важную роль в развитии сибирской экономики и культуры.

Бизнес мусульман в Сибири развивался не в отрыве, а вместе с общерегиональными тенденциями. Трудно даже вычленить объем мусульманского торгового капитала в стремительно разраставшемся сибирском. Хотя признаем, что банковская система у мусульман всегда отличалась особым характером, поскольку идеологическим и теоретическим основанием экономической доктрины ислама является сам Коран [6]. Местные мусульмане не занимались ростовщичеством, но получение кредитов не возбранялось. Более того, для их

привлечения с 1899 г. по сберегательным кассам Сибири рассылались брошюры на татарском и казахском языках. При этом, местное исламское бизнес-сообщество выступало лишь в качестве морального оценщика. В этом отношении характерна деятельность Н. Сейдукова в учетно-ссудном комитете отделения Государственного банка в Тобольской губернии. Система работы этих комитетов предусматривала определение размера кредита, который открывался частным лицам, фирмам и учреждениям, для чего необходимо оценить благонадежность представляемых к учету векселей, залогов, ссуд. В 1897 г. управляющий отделением Н.Н. Седов дал такую характеристику: «человек в крае, пользующийся общим уважением среди своих единоверцев и русского купечества, знает край хорошо и ведет большие торговые дела при значительном капитале ... Сейдуков положительно для нас необходим, так как никто кроме его не знает так хорошо состояния и дела ... бухарцев. Личность вполне порядочная и известная во всем округе по своей честности и добросовестности. В случае его неутверждения я буду поставлен в безвыходное положение относительно оценки векселей и кредитоспособности многих тюменских бухарцев» [7].

Сейдуков в своей деятельности опирался на нравственные постулаты ислама, запрещающие монополию, ростовщичество (запрет на ссудный капитал закреплен в Коране, где приравнен к наиболее злостным грехам и осуждается как прямой вызов Аллаху) и тезаврацию, поощряя деловую предприимчивость и честную конкуренцию. При этом, отдача всех сил для достижения материального благополучия семьи, а затем и уммы, так же благочестива, как и молитва. Взяв на себя моральную ответственность — рекомендуя единоверцев, обращающихся за кредитами и ссудами в Государственный банк России, Сейдуков не нарушал коранических норм. Что же касается финансовой ответственности не оправдавших его доверия должников-дебиторов, что не смогли выполнить обязательства перед банком, то их судил уже не шариатский суд, а гражданский — по законам империи.

Подводя итог, можно отметить:

во-первых, сибирская умма оставалась системой, лишь для отдельных частей которой стала характерна вариативность и изменчивость, а ислам для тюркского населения был и верой, и образом жизни, и нормой, регулирующей социальные стороны бытия. Эти нормы легли в основу массового сознания населения, а также общественно-политических представлений интеллигенции. Мусульманские мектебе и медресе, существовавшие практически во всех селениях, помо-

гали распространению грамотности среди населения и формированию его мировоззрения;

во-вторых, государственно-конфессиональные отношения выстраивались, как, впрочем, и прочие социальные взаимодействия в стране — в широком диапазоне, отражая противоборство либеральной и консервативной позиций, тем не менее, продвигаясь по пути модернизации.

в-третьих, в отличие от других регионов страны (Центральная Азия, Поволжье) ключевые институты ислама как религиозной системы в сибирском регионе не были достаточно развиты. Недостаточная развитость экономических принципов существования мусульманской общины, в т. ч. института вакфов, сохранение реликтов прежних верований оставались особенностями *сибирского ислама*.

1. Исаев В. Мудараба. Опыт исламских банков // Родина. 2005. № 5. С. 51.
2. Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. II: Петропавловская церковь (1824–1894). Ч. 1. / ред.-сост. В. Я. Темплинг. Тюмень, 2007. С. 165.
3. Шерстова Л. И. «Новые» этносы и «новые» религии: к проблеме генезиса этнического самосознания (на материалах тюркских сообществ Западной Сибири XIX–XX веков) // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005. С. 75.
4. Сусоколов А. А. Влияние религиозной принадлежности на установки в сфере предпринимательства (на примере современной России) // Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества: материалы междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2009. С. 246–252; Юсупов Ю. Предприниматели Узбекистана: два «портрета» // Социс. 2007. № 10 (282). С. 66–67.
5. Бикнеева Ю. Жить достойно, вопреки всему // Муслим-инфо. 2007. № 4; Загидуллин И. К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006. С. 247; Ключева В. П. О пожертвовании тюменского бухарца С. Речупова // Сулеймановские чтения: материалы VII регион. науч.-практ. конф. Тюмень, 2004. С. 32–33.
6. В частности, определены допустимые границы экономических мотиваций и поступков: при наличии собственности, например, мусульманские банки не должны применять договора залога, поскольку право собственности — залог по определению. Для мусульман приемлем договор, предоставляющий клиенту возможность пользоваться этим имуществом и готовности кредитора разделить прибыли и убытки с кредитополучателем. Банковская система по-мусульмански исключает получение в одностороннем порядке дохода от того, как завершен производственный или торговый цикл и получена прибыль.

7. В разные годы в состав Тобольского и Тюменского комитетов входили также Т. С. Айтмухаметов, М.-А. А. Мирсалимов, А.-К. М. Муртазин, М. С. Ченбаев. — См.: Вычугжанин А. Л., Отрадных О. А. История банковского дела Тюменской области. Тюмень, 2004. С. 148–149; 154–155.

Е.В. Шуляк (Ханты-Мансийск)

Культурно-просветительская деятельность иркутских купцов В.Н. Баснина и В.П. Сукачёва

Василий Николаевич Баснин (1799–1876) родился в Иркутске и принадлежал к роду самых известных в Сибири иркутских и кяхтинских купцов, промышленников и меценатов XVIII–XIX в. На формирование личности будущего мецената большое влияние оказали семейные традиции. Дом Басниных был широко известен как один из культурных центров Иркутска. Семейство потомственных купцов Басниных всегда отличалось образованностью и начитанностью, огромная библиотека передавалась из поколения в поколение. Так же, как отец и дядя, Василий проявлял интерес к естествознанию, истории, искусству, в том числе музыке и литературе. Получив начальное образование в Кяхтинском училище, он уже в 13 лет принимал участие в делах Торгового дома Басниных, но всегда находил время для самообразования и самоусовершенствования, общения с интеллигентными людьми, в том числе ссыльными декабристами Н.А. Бестужевым, А.П. Муравьёвым и С.Г. Волконским [3].

Торгово-предпринимательская деятельность не являлась единственной целью в жизни Василия Николаевича, обладая широким кругозором, он тяготел к научной и культурно-просветительской деятельности, по праву являлся одним из просветителей Сибири. В.Н. Баснин изучал её растительный мир, собирал гербарии, вёл метеорологические наблюдения, первым в Прибайкалье занялся акклиматизацией плодовых деревьев и заложил первый в Сибири фруктовый сад, коллекционировал гравюры и книги. Собрание гравюр В.Н. Баснина включало в себя работы по мотивам картин известных западноевропейских мастеров Леонардо да Винчи, Рафаэля и Корреджо, портреты русских государственных деятелей, церковных иерархов, сибирских знаменитостей, а также изображения достопримечательностей России и наиболее важных событий из её истории. В коллекции Василия Николаевича были также рисунки и акварели, принадлежащие кисти художников-декабристов Н.А. Бестужева, П.И. Борисова, Д.И. Завалишина и А.И. Якубовича и произведения иркутского художни-